АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ
СКИФЫ

ПАРИЖЪ 1920 г.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ
СКИФЫ

СЪ ДЕВЯТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ
Н. ГОНЧАРОВОЙ и М. ЛАРІОНОВА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИШЕНЬ“
13, RUE BONAPARTE, PARIS

ДВѢНАДЦАТЬ

1

Черный вечеръ.
Бѣлый снѣгъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ!
На ногахъ не стоитъ человѣкъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ —
На всемъ Божьемъ свѣтѣ!

Завиваетъ вѣтеръ
Бѣлый снѣжокъ.
Подъ снѣжкомъ — ледокъ.
Скользко, тяжко -
Всякій ходокъ
Скользитъ — ахъ, бѣдняжка!

Отъ зданія къ зданію
Протянутъ канатъ.
На канатѣ — плакатъ:
„Вся власть Учредительному Собранію!..“

Старушка убивается — плачетъ,
Никакъ не пойметъ, что значитъ,
На что такой плакатъ,
Такой огромный лоскутъ?
Сколько бы вышло портянокъ для ребятъ,
А всякій раздѣтъ, разутъ...

Старушка, какъ курица,
Кой-какъ перемотнулась черезъ сугробъ.
— Охъ, Матушка-Заступница!
— Охъ, большевики загонятъ въ гробъ!

Вѣтеръ хлесткій!
Не отстаетъ и морозъ!
И буржуй на перекресткѣ
Въ воротникъ упряталъ носъ.

А это кто? — Длинные волосы
И говоритъ вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россія!
Должно быть, писатель —
Витія...

А вонъ и долгополый —
Сторонкой — за сугробъ...
Что нынче невеселый,
    Товарищъ попъ?
Помнишь, какъ бывало
Брюхомъ шелъ впередъ,
И крестомъ сіяло
Брюхо на народъ?

Вонъ барыня въ каракулѣ
Къ другой подвернулась:
  Ужъ мы плакали, плакали...
    Поскользнулась
И — бацъ — растянулась!

    Ай, ай!
Тяни, подымай!

Вѣтеръ веселый
И золъ, и радъ,
Крутитъ подолы,
Прохожихъ коситъ,
Рветъ, мнетъ и носитъ
Большой плакатъ

„Вся власть Учредительному Собранію...“
И слова доноситъ:

...И у насъ было собраніе...
...Вотъ въ этомъ зданіи...
...Обсудили —
...Постановили...
На время — десять, на ночь — двадцать пять
И меньше — ни съ кого не брать...
...Пойдемъ спать...

Поздній вечеръ.
Пустѣетъ улица.
Одинъ бродяга
Сутулится,
Да свищетъ вѣтеръ...

Эй, бѣдняга!
Подходи —
Поцѣлуемся...
Хлѣба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
      Кипитъ въ груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищъ! Гляди
      Въ оба!

2

Гуляетъ вѣтеръ, порхаетъ снѣгъ,
Идутъ двѣнадцать человѣкъ.

Винтовокъ черные ремни,
Кругомъ — огни, огни, огни...

Въ зубахъ — цыгарка, примятъ картузъ,
На спину-бъ надо бубновый тузъ!

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно.

— А Ванька съ Катькой — въ кабакѣ...
— У ей керенки есть въ чулкѣ!

— Ванюшка самъ теперь богатъ...
— Былъ Ванька нашъ, а сталъ солдатъ!

— Ну, Ванька, сукинъ сынъ, буржуй,
— Мою попробуй, поцѣлуй!

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Катька съ Ванькой занята —
Чѣмъ, чѣмъ занята?..
Тра-та-та!

Кругомъ — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революціонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь —

Въ кондовую,
Въ избяную
Въ толстозадую!

Эхъ, эхъ, безъ креста!

3

Какъ пошли наши ребята
Въ красной арміи служить —
Въ красной арміи служить —
Буйну голову сложить!

Эхъ ты, горе — горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрійское ружье!

Мы на горе всѣмъ буржуямъ
Міровой пожаръ раздуемъ,
Міровой пожаръ въ крови —
Господи, благослови!

4

Снѣгъ крутитъ, лихачъ кричитъ,
Ванька съ Катькою летитъ —
Електрическій фонарикъ
На оглобелькахъ...
Ахъ, ахъ, пади!..

Онъ въ шинелишкѣ солдатской
Съ физьономіей дурацкой
Крутитъ, крутитъ черный усъ,
Да покручиваетъ,
Да пошучиваетъ...

Вотъ такъ Ванька — онъ плечистъ
Вотъ такъ Ванька — онъ рѣчистъ!
Катьку — дуру обнимаетъ
Заговариваетъ...

Запрокинулась лицомъ,
Зубки блещутъ жемчугомъ...
    Ахъ ты, Катя, моя Катя,
    Толстоморденькая...

5

У тебя на шеѣ, Катя,
Шрамъ не зажилъ отъ ножа,
У тебя подъ грудью, Катя,
Та царапина свѣжа!

    Эхъ, эхъ, попляши!
    Больно ножки хороши!

Въ кружевномъ бѣльѣ ходила
Походи-ка, походи!
Съ офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

    Эхъ, эхъ, поблуди!
    Сердце екнуло въ груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушелъ онъ отъ ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свѣжа?

Эхъ, эхъ, освѣжи,
Спать съ собою положи!

Гетры сѣрыя носила,
Шоколадъ Миньонъ жрала,
Съ юнкерьемъ гулять ходила —
Съ солдатьемъ теперь пошла?

Эхъ, эхъ, согрѣши!
Будетъ легче для души!

6

...Опять навстрѣчу несется вскачь,
Летитъ, вопитъ, оретъ лихачъ...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзаду забѣгай!..

Трахъ-тарарахъ-тахъ-тахъ-тахъ-тахъ,
Вскрутился къ небу снѣжный прахъ!..

Лихачъ — и съ Ванькой — на утекъ...
Еще разокъ! Взводи курокъ!..

Трахъ-тарарахъ! Ты будешь знать,
. . . .
Какъ съ дѣвочкой чужой гулять!

Утекъ, подлецъ! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я съ тобой!

А Катька гдѣ? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи, ты, падаль, на снѣгу!..

Революцьонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

7

И опять идутъ двѣнадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бѣднаго убійцы
Не видать совсѣмъ лица...

Все быстрѣе и быстрѣе
Уторапливаетъ шагъ.
Замоталъ платокъ на шеѣ —
Не оправиться никакъ...

— Что, товарищъ, ты не веселъ,
Что, дружокъ, оторопѣлъ?
— Что, Петруха, носъ повѣсилъ,
Или Катьку пожалѣлъ?

— Охъ, товарищи, родные,
Эту дѣвку я любилъ...

Ночки черныя, хмѣльныя
Съ этой дѣвкой проводилъ...

Изъ-за удали бѣдовой
Въ огневыхъ ея очахъ,
Изъ-за родинки пунцовой
Возлѣ праваго плеча,
Загубилъ я, безтолковый,
Загубилъ я сгоряча... Ахъ!

– Ишь, стервецъ, завелъ шарманку,
Что ты, Петька, баба что-ль?
Вѣрно душу наизнанку
Вздумалъ вывернуть? Изволь!
Поддержи свою осанку!
Надъ собой держи контроль!

Не такое нынче время,
Чтобы няньчиться съ тобой!
Потяжеле будетъ бремя
Намъ, товарищъ, дорогой!

И Петруха замедляетъ
Торопливые шаги,

Онъ головку вскидываетъ,
Онъ опять повеселѣлъ...

Эхъ, эхъ!
Позабавиться не грѣхъ!

Запирайте етажи,
Нынче будутъ грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляетъ нынче голытьба!

8

Охъ ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужъ я времячко
Проведу, проведу...

Ужъ я темячко
Почешу, почешу...

Ужъ я сѣмячки
Полущу, полущу...

Ужъ я ножичкомъ
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышкомъ!
Выпью кровушку
За зазнобушку
Чернобровушку...

Упокой, Господи, душу рабы твоея...

Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Надъ Невской башней тишина,
И больше нѣтъ городового —
Гуляй, ребята, безъ вина!

Стоитъ буржуй на перекресткѣ
И въ воротникъ упряталъ носъ.
А рядомъ жмется шерстью жесткой,
Поджавши хвостъ паршивый песъ.

Стоитъ буржуй, какъ песъ, голодный,
Стоитъ безмолвный, какъ вопросъ.
И старый мiръ, какъ песъ безродный,
Стоитъ за нимъ, поджавши хвостъ.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой вьюга!
Не видать совсѣмъ другъ друга
За четыре за шага!

Снѣгъ воронкой завился,
Снѣгъ столбушкой поднялся...

– Охъ, пурга какая, Спасе!
– Петька! Эй, не завирайся!
Отъ чего тебя упасъ
Золотой иконостасъ?
Безсознательный ты, право,
Разсуди, подумай здраво –
Али руки не въ крови
Изъ-за Катькиной любви?
– Шагъ держи революцьонный!
Близокъ врагъ неугомонный!

Впередъ, впередъ, впередъ,
Рабочій народъ!

11

...И идутъ безъ имени святого
Всѣ двѣнадцать-вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Ихъ винтовочки стальныя
На незримаго врага...
Въ переулочки глухіе,
Гдѣ одна пылитъ пурга...
Да въ сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

Въ очи бьется
Красный флагъ.

Раздается
Мѣрный шагъ.

Вотъ — проснется
Лютый врагъ...

И вьюга пылитъ имъ въ очи
Дни и ночи
Напролетъ...

Впередъ, впередъ,
Рабочій народъ!

12

...Вдаль идутъ державнымъ шагомъ...
— Кто еще тамъ? Выходи!
Это вѣтеръ съ краснымъ флагомъ
Разыгрался впереди...

Впереди — сугробъ холодный,
— Кто въ сугробѣ — выходи!..
Только нищій песъ голодный
Ковыляетъ позади...

Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыкомъ пощекочу!

Старый міръ, какъ песъ паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалитъ зубы — волкъ голодный —
Хвостъ поджалъ — не отстаетъ —
Песъ холодный — песъ безродный...
— Эй, откликнись, кто идетъ?

— Кто тамъ машетъ краснымъ флагомъ?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто тамъ ходитъ бѣглымъ шагомъ,
Хоронясь за всѣ дома?

— Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мнѣ живьемъ!
— Эй, товарищъ, будетъ худо,
Выходи, стрѣлять начнемъ!

Трахъ-тахъ-тахъ! — И только эхо
Откликается въ домахъ...

Только вьюга долгимъ смѣхомъ
Заливается въ снѣгахъ.

Трахъ-тахъ-тахъ!
Трахъ-тахъ-тахъ...

...Такъ идутъ державнымъ шагомъ —
Позади — голодный песъ,
Впереди — съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
Впереди — Исусъ Христосъ.

Январь 1918 г.

СКИФЫ

Панмонголизмъ! Хоть имя дико,
Но мнѣ ласкаетъ слухъ оно.

Владиміръ Соловьевъ.

Мильоны — васъ. Насъ тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь съ нами!
Да, скифы — мы! Да, азіаты — мы!
Съ раскосыми и жадными очами.

Для васъ — вѣка, для насъ — единый часъ.
Мы, какъ послушные холопы,
Держали щитъ межъ двухъ враждебныхъ расъ
Монголовъ и Европы!

Вѣка, вѣка вашъ старый горнъ ковалъ
И заглушалъ грома лавины,
И дикой сказкой былъ для васъ провалъ
И Лиссабона и Мессины!

Привыкли мы, хватая подъ уздцы
Играющихъ коней ретивыхъ,
Ломать конямъ тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивыхъ...

Придите къ намъ! Отъ ужасовъ войны
Придите въ мирныя объятья.
Пока не поздно — старый мечъ въ ножны,
Товарищи, Мы станемъ — братья!

А если нѣтъ, — намъ нечего терять,
И намъ доступно вѣроломство.
Вѣка, вѣка — васъ будетъ проклинать
Больное позднее потомство.

Мы широко по дебрямъ и лѣсамъ
Передъ Европою пригожей
Разступимся. Мы обернемся къ вамъ
Своею азіатской рожей.

m. l.

Вы сотни лѣтъ глядѣли на Востокъ,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срокъ,
Когда наставить пушекъ жерла!

Вотъ срокъ насталъ. Крылами бьетъ бѣда,
И каждый день обиды множитъ,
И день придетъ — не будетъ и слѣда
Отъ вашихъ Пестумовъ, быть можетъ!

О, старый міръ! Пока ты не погибъ,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, какъ Эдипъ,
Предъ Сфинксомъ съ древнею загадкой!

Россія — Сфинксъ. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядитъ, глядитъ, глядитъ въ тебя,
И съ ненавистью, и съ любовью!

Да, такъ любить, какъ любитъ наша кровь,
Никто изъ васъ давно не любитъ!
Забыли вы, что въ мірѣ есть любовь,
Которая и жжетъ, и губитъ!

Мы любимъ все — и жаръ холодныхъ числъ,
И даръ божественныхъ видѣній,
Намъ внятно все — и острый галльскій смыслъ,
И сумрачный германскій геній.

Мы помнимъ все — парижскихъ улицъ адъ,
И венецьянскія прохлады,
Лимонныхъ рощъ далекій ароматъ
И Кельна дымныя громады...

Мы любимъ плоть — и вкусъ ея, и цвѣтъ,
И душный, смертный плоти запахъ...
Виновны-ль мы — коль хруснетъ вашъ скелетъ
Въ тяжелыхъ, нѣжныхъ нашихъ лапахъ?

Идите всѣ, идите на Уралъ.
Мы очищаемъ мѣсто къ бою
Стальныхъ машинъ, гдѣ дышетъ интегралъ,
Съ монгольской дикою ордою.

Но сами мы — отнынѣ вамъ не щитъ,
Отнынѣ въ бой не вступимъ сами,
Мы поглядимъ, какъ смертный бой кипитъ
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирѣпый гуннъ
Въ карманахъ труповъ будетъ шарить,
Жечь города, и въ церковь гнать табунъ,
И мясо бѣлыхъ братьевъ жарить...

Въ послѣдній разъ — опомнись, старый міръ!
На братскій пиръ труда и мира,
Въ послѣдній разъ на свѣтлый братскій пиръ
Сзываетъ варварская лира.

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„МИШЕНЬ“ ДВАДЦАТАГО ІЮНЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТЪ
ДВАДЦАТАГО ГОДА
ВЪ ТИПОГРАФІИ „UNION“ 46, BOUL. ST-JACQUES, PARIS.

